

Бесконечность

Автор:

Джакомо Леопарди

Бесконечность

Джакомо Леопарди

Пространство перевода

Великого Джакомо Леопарди (1798–1837) Шопенгауэр назвал «поэтом мировой скорби». Жизнь Леопарди оборвалась рано, и поэтическое наследие его невелико: один сборник стихов *Canti* (Песни). И притом в итальянской литературе он по праву стоит рядом с Данте и Петраркой.

В России наиболее известны переводы А. Ахматовой и А. Наймана.

В книгу переводов Т. Стамовой вошли избранные стихотворения поэта и эссе, посвященное литературным мистификациям Леопарди.

Джакомо Леопарди

Бесконечность

Бесконечность

Всегда мне милым был пустынный холм

И изгородь, что горизонт последний
У взгляда забрала. Сижу, смотрю –
И бесконечные за ней пространства,
Молчанья неземные, глубочайший
Покой объемлю мыслью – странный холод
Подходит к сердцу. И когда в траве
И в кронах с шумом пробегает ветер,
Я то молчанье дальнее сличая
С сим близким гласом, постигаю вечность,
И время мертвое, и этот миг
Живой, и звук его. И посреди
Безмерности так тонет мысль моя,
И сладко мне крушенье в этом море.

К Луне

О дивная луна, я вспоминаю:
Уж год прошел с тех пор, как безутешный
Я поднялся на этот холм, чтоб снова
Тебя увидеть. И тогда, как ныне,
Ты этот лес сияньем наполняла.
Но зыбким и расплывчатым от плача,
Что встал в моих глазах, мне показалось
Твое лицо. Мучительной и горькой

Мне жизнь была. И есть: так ей угодно,
Моя луна. И все же мне отрадно
Воспоминанье. Этой скорби возраст
Мне дорог. В молодости, там, где краток
Путь памяти и долог путь надежды,
Нам сладко вспомнить о вещах прошедших –
Пусть горечь длится и живет страданье.

Вечер праздничного дня

Ночь до глубин прозрачна, ветер дремлет,
И, тихая, в садах и над домами,
Стоит луна и каждый обнажает
Вдали уснувший холм. О, дорогая,
Уже молчат тропинки, на балконы
Ночной лампы проникают блики.
Ты спишь, застигнутая сном летучим
В спокойных комнатах; тебя не мучит
Тревога; и не ведаешь, не видишь,
Какая рана в сердце обнажилась
Моем. Ты спишь. Я к небесам, что с виду
Так благостны, в смятенье обращаюсь;
К природе этой древней, всемогущей,
Что создала меня для бед. «Надежды

Я не даю тебе, – она сказала, –
Очам твоим светиться лишь слезами».
Вот праздник отшумел: от развлечений
Ты отдыхаешь и во сне припомнишь,
Скольких пленила ты и кем пленилась
За этот день – ко мне не повернешься
Ты в мыслях. Между тем я вопрошаю,
Сколько осталось жить мне, и, к суровой
Земле припав, рыдаю. О, жестоки
Дни лет моих зеленых! Различаю
Невдалеке звук одинокой песни
Ремесленника, что порой ночью
Бредет с гулянья в свой приют убогий –
И так мучительно сожмется сердце,
Когда подумаю, что все проходит
И остывает след. И вот уж в прошлом
День праздника, и вслед ему влачится
Обычный день. С собой уносит время
Событья все. Где ныне оживленье
Народов древних? Ныне где победный
Клич славных предков? Рим великий, где ты?
Где блеск былой и где твое оружие,
Гремевшее на суше и на море?
Безмолвие. Покой. Все отдыхает.
Мир спит, и о былом уже нет речи.

В начале дней моих, где каждый праздник
Был счастьем, – после, когда счастье гасло,
Я мучился и, смяв перины, долго
Заснуть не мог. И поздней ночью песня,
Звучавшая со стороны дороги,
Вдаль уходя, как будто умирая,
Как ныне, так же мне сжимала сердце.

Сон

Светало. Первый луч, пройдя сквозь ставни,
Прокрался осторожно в мягкий сумрак
Дремавшей комнаты моей. И в миг,
Когда тонка граница сна и яви,
В тончайшем сновиденье мне предстала
Та, что была причиной горьких слез
Моих – любовью послана сначала
И после отнята. Теперь живой
Она казалась мне, но не счастливой,
И, положив мне руку на чело,
Вздыхнув, «Живой? – сказала. – Не забыл
Еще о нас?» –
Откуда ты? И как
Вошла сюда? О сколько, сколько раз

Я вспоминал тебя! А ты наверно
О том не знала, и от этой мысли
Мне боль моя была еще больней.
Но не затем ли ты пришла, чтоб снова
Меня покинуть? Страшно. Говори!
Ты прежнюю осталась? Что-то мучит
Тебя? –
«Ты спишь. Забвения туман
В твои проникнул мысли. Я мертва.
Меня ты видел много лун назад
В последний раз».
От голоса ее
Внутри меня всё сжалось. А она
Так продолжала: «Я ушла во цвете
Лет, когда жизнь прекрасна и душа
Доверчива – не знает ни тщеты,
Ни тлена. В сущности немного надо
Пути, чтобы она, поняв обман,
От бремени земного захотела
Освободиться. Но горька безмерно
Смерть юным нам, когда хоронит рок
Ярчайшую надежду и о том,
Что тяжек жизни путь, душа не знает,
Слепой пленец». –
О бедная моя,

Молчи, молчи, ты сердце ранишь мне!

Так значит, ты мертва, а я живой,

Любимая моя, но как поверить:

Живую болью дышат все слова

Твои, а я похож на холодный труп.

Так что же смертью мы зовем? – Быть может,

Сегодня к этой тайне приобщусь,

Склонив пред роком светлое чело?

Да молод я, но молодость моя

Во мне, как старость, чахнет, о которой

Со страхом думаю, хоть очень мало

Цвет дней моих отличен от нее. –

Она: «Для слез мы родились, и счастье

Живым не улыбнулось нам, и небо

Бедою нашей насладилось вдоволь».

Тут я решился: – Видишь, до сих пор

Оплакиваю я твою кончину

И в сердце боль храню. Молю, ответь:

Ко мне, любившему тебя, хоть раз

Испытывала ты любовь иль жалость,

Пока жила? Все дни тогда и ночи

Метался я меж страхом и надеждой,

И ныне от сомнений бесполезных

Почти без сил. Когда, хотя б однажды

Сочувствовала ты несчастной жизни
Моей, не утай, пусть эта память
Со мной пребудет, если нашим дням
Продлиться не дано. Она в ответ:
«Утешься, бедный! И тогда, как ныне,
Ты близок был страдающей душе
Моей. Плакивать меня не надо». –
Несчастий ради наших, и любви,
Терзающей меня, и незабвенной
Мечты, и юности, – воскликнул я, –
О дорогая, дай мне прикоснуться
К твоей руке! – Спокойно и печально
Она мне руку подала. Губами
Я прикоснулся к ней, потом прижал
К груди, дрожа от нежности и муки.
Лицо испариной покрылось, голос
Пресекся, всё плыло в моих глазах.
Тогда она, так глубоко и нежно
В них заглянув, сказала: «Что с тобой?
Забыл ты? Красота моя прошла.
И ты напрасно, от любви сгорая,
Дрожишь. Теперь прощай! И наши души,
И наши оболочки никогда
Уже не встретятся. Ты для меня
Никто отныне. И твои обеты

Разрушил рок».

И вскрикнув, как от раны,

Я весь в слезах проснулся. Но она

Еще на миг осталась и в неверных

Лучах зари стояла предо мной.

Одинокая жизнь

Дождь утренний стучится осторожно

В мое окно; во дворике хохлатка

Бьет крыльями; селянин хлопнул ставней,

Глядит на поле; солнца луч, сквозь капли

Пройдя, дрожит; я поднимаюсь тоже

И выхожу, и стайки облаков,

И первый посвист птиц, и свежесть утра,

И луг смеющийся благославляю.

Но не забыл и вас, глухие стены

Угрюмых городов, где ходят парой

Тоска и ненависть, где я живу,

И мучусь, и умру наверно скоро.

Здесь как-никак сочувствия немного

Я нахожу в природе (ведь когда-то

Она меня любила). Всё ж и ты,

Природа, от несчастных отвращаешь

Свое лицо – приятней и разумней
Довольствию и счастью служить.
Что ж делать тем, кто брошен был тобою?
И кто поможет им, если не смерть?

Порою на холме уединенном
У озера сажу, где встали кругом
Деревья молчаливые, смотрю:
День близится к концу, на гладких водах
Рисует солнце свой спокойный лик.
Не шелохнется ни трава, ни листья,
Ни вскинется волна, в траве цикада
Не засвистит, не шевельнется в кроне
Ночной вьюрок; ни звука, ни движенья
Не различишь ни рядом, ни окрест.
Покой объемлет эти берега.

Так, замерев, сажу и забываю
Мир и себя. Как будто не мои –
Упали руки, никакая сила
(Так кажется) не может их поднять,
И древний их покой сродни как будто
Царящей в этом месте тишине.

Любовь, любовь, из пламенной груди
Моей когда-то вылетела ты.
И сразу же своей рукой холодной

Ее сдавило горе, превратив
В лед посреди весны. Еще я помню
То время невозвратное, когда
Во мне жила ты. Этот скорбный мир
Ты озаряла, предвещая сердцу
Такую радость, что оно пускалось
Едва ль не в пляс – так к тяжкому труду
Сей жизни мы вначале приступаем
Как к танцу иль игре. Но лишь тебя,
Любовь, заметил я, как рок вмешался,
Разрушив всё. Очам моим остались
Одни лишь слезы. Если на заре
У берегов веселых, где на солнце
Сияют ветлы, хижины, холмы,
Мелькнет лицо селянки молодой,
Иль летней ночью путника встречаю,
Бредущего на огонек, иль слышу
Той, что, за долгий день не утомилась
И за полночь над прялкою сидит,
Напевы плавные, – воспрянет вдруг
И затрепещет каменное сердце,
Но чрез мгновение железным станет.
Нет, нежность не живет в душе моей.

О ты, луна, в чьих медленных лучах

Танцуют зайцы на лесных полянах
(Наутро след не разберет охотник
И отойдет ни с чем). Здравствуй, благая
Ночей царица! Твой холодный луч
Сходил в овраги, сумрачные чащи,
Развалины, блестел, предупреждая,
На острие клинка, когда разбойник,
Заслышав скрип колес и конский топот,
Бросался с криком, леденящим кровь,
На путников усталых. Среди улиц
Ночного города встречала ты
Повесу, что преследуя упорно
Тень вожделенную, вдоль темных стен
Всё крался, словно тать, пугаясь окон
Светящихся, балконов и террас
Открытых. Сколько раз твой белый свет
Помехой был ему! Твои лучи
Враждебны злу, а мне всегда подругой
Была ты и склонялась благодушно
Над берегами этими, холмами
Счастливыми, просторами лугов.
И я, хоть и невинен был, но тоже
Порой корил тебя, когда проходим
Меня ты выдавала невзначай.
Теперь хвалю всегда: средь облаков ли

Плывешь ладьей, иль светлая с полей
Надмирных смотришь на людское горе.
Не раз еще меня увидишь здесь:
В лесах брожу ли, на лугу ль уснувшем
Сижу среди тихих трав; дыханье слышу
Свое и сердце – и уже доволен.

Победителю игры в мяч

Бессмертья вкус и славы зычный голос,
О юноша, изведай!
И сколь почетней праздности цветущей
Трудная доблесть. Не остынь. С победой
Не расставайся – чтоб всегда боролась
С рекою времени, тебя влекущей,
Твоя отвага. Не забудь: предела
Высокого пусть жаждет дух. Взывают
К тебе арена гулкая, трибуны –
То славы глас: яви бессмертье тела!
Тебя, чьи силы и порывы юны,
Зовет земля родная
Держать, триумфы древних возрождая.
Варварской кровью в славном Марафоне

Не обагрил десницы
Тот, кто атлетов обнаженных, поле
Олимпии, лихие колесницы
Зрел без волнения; пальмам и короне
Кто не завидовал. А кто дотоле
Омыл в Алфее взмыленные крупы
И гривы пыльные коней победных,
Тот греческие копья и знамена
Вел твердо на мидян, что бросив трупы,
Бежали, сгрудясь. Тот запомнил стоны,
Потрясшие когда-то
Край рабский, лоно пышное Евфрата.

Пустым назвать ли то, что разжигает
В нас доблести природной
Спящие искры, превратив дыханье
Чахнущей жизни в пламень благородный,
Пусть бранный? С той поры, как погоняет
Феб скорбные колеса, что деянья
Людей, как не игра? Не столь же тщетной
Реальность создана? Самой природой
Даны нам милые обманы – теней
Счастливых мир. А там, где беспросветной
Тьмой изгнан дух высоких заблуждений,
Там в бледном прозябанье

Нашли замену славе и дерзанию.

Быть может, день настанет – на руины

Громад, глядевших строго,

Придут стада, и плугу подчинится

Земля семи холмов. Может, немного

Солнц минет – павших городов равнины

Освоит осторожная лисица,

И мрачный лес поднимется стенами

Среди развалин, если рок позволит –

И скорбное родной земли забвенье

Начнет, как сон, овладевать умами,

И близкого не отведет крушенья

Милость небес, щадящих

Нас, ради прежних подвигов блестящих.

Жить после смерти Родины – о бремя

Печальное! С призваньем

Твоим ты б славен был, когда сияла

Она своим венцом. Теперь стараньем

Нашим и рока он утрачен. Время

Уже прошло. Величия не стало.

Но, мальчик, для себя – возвысься духом.

Что наша жизнь? Достойна лишь презренья.

Блаженна лишь, когда, забыв о роке,

Себя забудет и не мерит слухом

Ущерб часов и дней в гнилом потоке;

Когда, достигнув края

Леты, вернется, землю узнавая.

Последняя песнь Сафо

Ночь мирная, и плавно заходящей

Луны безвинный луч, и ты, что всходишь

Над лесом молчаливым горных склонов,

Звезда рассвета – милые виденья,

О, я любила вас, пока не знала

Страстей и рока. Больше не волнует

Мне чувств отчаявшихся сон ваш мягкий.

Теперь другая радость нам знакома:

Когда через открытые пространства

И потрясенные поля несется

Волна пылящая ветров и с громом

Кронид промчится в тяжелой колеснице,

Над нами темный рассекая воздух.

Средь туч, вошедших в горы и ущелья

Глубокие, мы бродим. Нам отрадны

Большое бегство стад ошеломленных

И вдоль берегов аккорды

Реки, поднявшей волн взбешенных орды.

Дивен твой плащ, о небо, и прекрасна
Земля в твоих дождях. Несчастной Сафо
Судьба и боги ничего не дали
Из этой красоты. И в бесконечных
Твоих владеньях, о природа, стыну
Любовницей отверженной и гостьей
Непрошеной и тщетно обращаю
Глаза и сердце к безупречным формам.
Здесь все не для меня. Не мне кивают
Вершины буков, не со мной смеется
Рассветный луч, и пестрых птиц напевы
Не мне звучат. И там, где гибким ивам
Ручей блестящий мирно подставляет
Прозрачную струю, – там только пену
Шипящую он мне швыряет в ноги
И прочь несется с гиком,
Душистый брег толкая в бегстве диком.

За грех какой, в каком существованье
Я проклята была – что так жестоки
Ко мне и небеса и лик фортуны?
В чем провинилась в детстве, там, где горя
Не знает жизнь, – что, юности цветенья
Не испытав, печально обернулась
Вокруг веретена надменной Парки

Нить темная судьбы? – Неосторожны
Твои слова. По тайному велению
Все, что назначено, свершится. Тайно
Все в мире. Явна только боль. Для плача,
Презренные, мы рождены. Причину
Спроси у звезд. О нежность, о надежды
Зеленых лет! Не сущностям – подобьям
Ты, Зевс, царить среди людей назначил –
Пустым подобьям. Подвиг, вдохновенье,
Искуснейшая лира –
В одежде нищей не прельщают мира.

Умрем. Хламиду жалкую откинув,
Нагая, устремится в царство теней
Душа – преодолевая беспощадный
Указ судьбы, вслепую раздающей
Обличья нам. А ты, к кому толкала
Меня любовь несчастная и вера,
Упрямая и долгая, попробуй
Прожить счастливо – если только смертным
Дается счастье на земле. Мне не дал
Отведать дивной влаги из сосуда
Скупого Зевс. И как один погибли
Сны и обманы детства. Самый светлый
День нашей жизни исчезает первым.

Подходят старость, и болезнь, и призрак
Холодной смерти. Кончено. Из стольких
Тщеславных снов и сладостных ошибок
Остался Тартар мне, богини мрака
Нрав бешено-ревнивый,
Ночь властная и берег молчаливый.

.

К весне, или об античных преданьях

Не потому ль, что солнце

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/leopardi_dzhakomo/beskonechnost

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)